

книгу – «Зоя». С ней же он встретил последний в жизни Новый год. И одно из последних сохранившихся стихотворений – об их любви.

Мы пьяны, мы сошли с ума
От шалостей, любви и хмелю.

Тетрадь со стихами, которые писал Бабаджан в 1920 году в Феодосии, не сохранилась – пропала, была уничтожена, возможно, лежит на старом чердаке, как когда-то лежали письма Бабаджана в доме на Троицкой.

Вениамину Бабаджану, убитому осенью 1920-го, незадолго до смерти исполнилось двадцать шесть лет. Всего двадцать шесть...

Вениамин Бабаджан

Из неопубликованного

* * *

Хочется дышать свободней
И нельзя – ужасный зной.
Над деревнею сегодня
Ключья ваты шерстяной.
Это тучи и не тучи.
Эти тяжкие клубы
Так медлительно-летучи,
Так свинцово-голубы.
Яркое небес сиянье.
Пыльный жар дорожных плит.
Воздух ясен. Расстоянья
Эта ясность коротит.
Отдаленные селенья
И далекие холмы
По волшебному веленью
Нынче озираем мы.

Май 1915, Рагузно

В. Бабаджан. Май 1915. Собрание С.З. Луцка

* * *

Вечер. Сладкая прохлада.
После бурного дождя
Пар в аллеях темных сада
Вьется, вьется, восходя.
Трель безумная в болоте.
Сонной птицы голоса.
Все в томленье, все в дремоте
И на всем, на всем роса.
И в томленье целуются тени
В отдаленье у кустов
В этой неге, в сладкой лени
Поцелуи влажных ртов.
Поцелуи... а в трясине
В тине, в синей темноте
Гимн лягушачьей святыне
Песнь могучей красоте.

Май 1915, Рагузно

* * *

В ночи далекая пальба
И бестолковая гармоника...
Луна струится, голуба,
На узкий выступ подоконника.
Открыто в огород окно.
Над пылью гряд – мельканье лунное.
Кропит зеленое вино
Луна, колдунья тихострунная.
И непонятны, и грубы
Визг песни и шрапнель далекая,
Когда овраги голубы
И ночь сияет светлоокая.

Июль 1915, Холоюв

Сонет

Вам отдаю сонет печальный,
Воспомианье странной встречи
О, тяжко было в час прощальный
Вести изысканные речи!
Все в памяти. Наряд Ваш бальный,
Красивые худые плечи,
Кругом несносный блеск хрустальный.
Лампады, лампионы, свечи.
Все миновало. Ныне, в поле,
Я рад спокойствию и воле,
Киванью дальних тополей.
Убогой пестроте селений,
Осенней черноте полей
И быстроте своих движений.

28 августа [1915], Княгинино

* * *

Магдалине В.

В тот день, Ваш раб подобоострастный,
Я Вас впервые увидел.
Вы были сказочно прекрасны,
Рот странный был как роза ал.
С улыбкой томного волненья
И чуть страдальческой всегда
Вы своего обыкновенья
Живописали мне года.
Свободно нить беседы нашей
Тянулась, темы не ища...
Зеленый муж с зеленой чашей,
Весь в складках красного плаща,
Глядел из рамы. Пламень зора,

Кровавый весь его наряд,
Осанка гордая синьора –
И страсть, и яд.

Январь 1916, Мокрое

* * *

Нимбы табачного дыма,
Блестки сердитых пенсне.
Дальше скорее и мимо,
Как в удушающем сне.
Вечер – довольно. У ночи
Слишком видений и снов.
Дням постылым бы короче,
Снам бы побольше часов.
Пусть непробудною сказкой
Станут пустые года.
Не поспешить ли с развязкой,
Не оборвать ли следа?

8 февраля [1916], Мокрое

«КБ – Клементий Бутковский»

Из чего Бог сотворил дороги?
Право, кажется, из желатины!
Лошади перетрудили ноги,
Жалко погибающей скотины.
Мокрым небом вымочило ветки
Голых мартовских кустов и липок...
Скучные поэты и поэтки,
Слушайте: здесь пенье скрипок.
Здесь гениальный коленкор на небе
Растянул бессмертный декоратор,

Здесь забота о насущном хлебе
Открывает летний театр.

Бросьте ваши нежные созвучья,
Приходите в лес дорогой топкой.
Слушайте, как в марте воют сучья,
Как зверье шуршит лесною тропкой.

Только уж без слов: смотрите тихо:
Небо так желто, так дымно серо.
В вас умрет словесная шумиха,
Как без водки гнусная гетера.

4 марта 1916, Мокрое

* * *

Март, дождик шлепает в окошки,
Проснулся сад, почти весна.
И в желтом зеркале дорожки
Вот-вот блеснет голубизна.

Но я с тревогою, с тоскою
Гляжу в слезливое стекло...
Ах, Боже, отчего весною
Так сердцу смутно тяжело?

Все-все, что осенью струится,
Как уходящая печаль,
Готово снова возмутиться,
Как только миновал февраль.

Как только пасмурные тучи,
Нахмурившись в последний раз,
Расторгнут тающие кручи
И обнажат палящий глаз.

12 марта 1916, Москва

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Лущика

Из К.К. Бутковского

Каждый день все те ж картины,
Равнодушие и тоска.
Дребезжаньем мандолины
Развлекается рука.

Солнца луч, прямой и тонкий,
Упадает на окно.
Рябью лиственной плетенки
Все стекло испещрено.

За окошком – май. Погода.
Примирающая тишь...
В комнате ж в углу комода
Прячется под книгой мышь.

7 мая 1916, Шпаков

* * *

Анне Фельдблюм

Не смерть страшна. Она желанной
Казалась каждому не раз.
Молчание пугает нас
И подвиг молчаливо бранный.

И мы, воители искусств,
Не знаем горестнее муки,
Чем эти связанные руки,
Чем этот ум, который пуст.

Нет музыки, и мы иссякли.
Мы жаждем. Кто нас напоит?
Не тот ли, кто и сам скорбит,
Кто сам томим тоской? Не так ли?

15 мая 1916, Одесса

Мучительный сонет

Ей же [А. Фельдблюм]

Семнадцать дней пробывши в отпуску,
Я видел Вас едва четыре раза,
И каждая улыбка, слово, фраза...
Как все забыть? Все кануло в реку
Прошедшего. И ныне все для глаза
Одна тоска. Я берегу тоску
Невозвратимого. Усердно тку
В душе кристалл блистательный алмаза.
Но много ли осталось для души
Сих дней мечтательно-слепой глуши,
Очаровательного упоенья?

Дни близки тяжких будней и тревог,
А в тягостях вседневного боренья,
Скажите, кто из нас не изнемог?

29 октября 1916

Из К.К. Бутковского

На всем и полусон, и нежность
Морозного утра.
Полей слепительная снежность
И даль из серебра.
Дают коня. Звенит дорога,
Бежит навстречу лес.
В нем тишина считает строго
Подковы. Быстро слез,
Иду кустами, весь в сугробе,
Двустволка за плечом.
С утра в карманах тяжесть дроби
И мысли – ни о чем.

8 января 1917, Ратешул-Луй-Харет

* * *

Ночь темней, собаки злее,
И заборы высоки.
Милая, дай знак скорее
Мановением руки.
Скрипнет темное окошко,
Ты порхнешь, как птичка в сад,
Я ж, как кошка, я ж, как кошка,
Милой птичке буду рад.
Присмирившие собаки
Нас не тронут – как не так!
Я, как всякий, я, как всякий,
Всякий кот – боюсь собак.

17 февраля 1917, Ратешул-Луй-Харет

Медлительное посвящение

Вы далеко, но я – весь Ваш.
Моя печаль неисцелима.
Мой чертит нервный карандаш
Все, все, что памятью хранимо.

И возникает, как в тумане,
Из сети пятен и штрихов
Как бы бутон из лепестков –
Очаровательная Ани.

30 марта 1917, Ратешул-Луй-Харет

Песнь о ветчине и поэтессе

(Глистогонное)

Раз жила поэтесса. Была ветчина.
Поэтесса была голодна.
Поэтесса была лучезарно чиста.
В ветчине же таилась глиста.
Поэтесса сказала: «Желудок мой пуст,
Ветчина, ты услада для алчущих уст.
Для души моей радость – дыханье весны,
Для желудка – кусок ветчины».
Но коварства и гордого свинства полна,
Ничего не ответила ей ветчина.

Убегая, в недели слагаются дни.
Так ведется у нас искони.
И теченье бегущих без устали лет
Поэтесса считает и числит поэт.
Время лечит болезни. Ему не в пример
Иссушая, томит и грызет солитер.

Злой негодник, вселяющий в душу боязнь,
Знай, тебя ожидает ужасная казнь.
Пусть пока торжествуешь преступный свой рост,
Поэтесса с утра начинает свой пост.
Что уж хуже? Не надо и порки.
Вдруг, о ужас, – река из касторки!
Где котлеты, бычки, ветчина и кефир?
Страшным душем течет на тебя лишь эфир
И разят ядовитые травы.
Солитер, не снесешь ты отравы!..

Вновь была поэтесса. Была ветчина.
Поэтесса была голодна.
Поэтесса сердито сказала: «Теперь
Не вселится в меня отвратительный зверь», –
Ветчину развернула в азарте
И сказала кухарке: «Поджарьте...»

26 мая 1917, Одесса

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Луцика

* * *

Душный ветер в открытое окошко,
Сверкают молнии. Гроза, гроза!
Гроза на закате. Пылает небо
Море отражает его алость.
Шелковое, розовое и зеленое,
Оно еще спокойно. Там далеко
Уже вскипает сереющая муть.
Лодки торопятся к берегу.
Дачники ушли с пляжа.
На дороге крутится веселая пыль, –
Велосипедист куда-то отчаянно несется.
Сколько суеты и страхов!
Пугает всех Божье торжество,
И люди боятся взглянуть на небо.

А ведь гроза идет стороной.

6 июня 1917, Одесса

Из цикла «Смешная любовь»

Я не прощу тебе плохих духов
И бородавки, что на подбородке.
Смешон набор пустых и громких слов
И вид, разочарованный и кроткий.

Я мщу за первую свою любовь,
За лживую, насмешливую ласку,
За грубо подрисованную бровь
И на щеке размазанную краску.

И скучно мне. Я устарел в любви,
И целомудрие мое – уродство.
Ну что ж, приди ко мне, зови, лови –
Ты навсегда утратила господство.

Свободен я. Насмешлив, зол и дик.
Быть может, я смешон, но все ж – свободен.
Не говори с досадою: «Старик,
Он просто слаб и никуда не годен».

Нет, страсть во мне. Палящая, она
Меня томит бессонными ночами.
Но воля гордостью закалена
И лживыми бесстыдными речами.

30 июня 1917, Ратешул-Луй-Харет

* * *

Сердце, сосуд неизбывной печали,
Терпкой любовью наполнен до краю.
Много любившие, все испытали
Сладкую горечь, которую знаю.

Подвиг ли это, любовь без исхода,
Смутное чувство без слов и упрека?
Или еще тяжелее свобода,
Долгие дни без борьбы и урока?

Или страшнее для сердца пустого
Дали безлунные, лунные дали
Мутную влагу налившие снова
В сердце, сосуд неизбывной печали?

25 июля 1917, Мовилица

* * *

Опять я нездоров, опять мне что-то холодно,
Кружится голова, шумит в ушах.
Бесмысленно трудящегося молота –
Вот сердца стук. Звонит за взмахом взмах.

Дни ясные. И солнышку заглядывать
Еще не лень в раскрытое окно.
Уже сентябрь. Не хочется загадывать,
Когда за тучи скроется оно.

Болезнь меня опутывает ласково.
Я много сплю. Нет мыслей, лень одна.
И как паук, настойчиво и ласково
Плетет свои тенета тишина.

Ах, вот бы умереть теперь безропотно.
Смерть не страшна, она – последний вздох.
Десяток слов немного шепота –
И сердца стук осекся и умолк.

25 сентября [1917], Саскут

* * *

Вам благодарность, вам хвала
За то, что там, в стране страданий,
Улыбка ваша нам была
Нежней, чем зов воспоминаний.

За то, что там, где все – печаль,
Улыбчивые ваши речи
Нас грели так, как греет шаль
В тоске иззябнувшие плечи.

Есть подвиг – имени не дал
Ему еще язык негибкий:
Тот знает, знает, кто страдал,
Как тяжело страдать с улыбкой.

21 марта [1918] по дороге в Одессу

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Луцка

Осень

Не чувствуешь ли ты, что в октябре
Как будто все просторнее в природе,
Как будто бы в летучем янтаре
Веселье-смерть гуляет на свободе.

Холодная бледней голубизна,
И ветер разгулявшийся гуляет,
И щедро северная сторона
Нам стаи птиц пугливых посылает.

И словно кто-то правит торжество –
Веселое и странное убранство!
Как все пестро! Но что пышней всего –
Роскошное во всем непостоянство!

Дни все короче. По ночам луна
Меж туч меняется в неровном беге.
И веет северная сторона
Порывистым дыханьем льдистой неги.

8/21 августа 1918

* * *

Красавица, чтоб впредь не раздражать поэта,
Заметь, прелестная, пожалуйста, вот это.
Не экономничай на платьях. Но портних
Бери всегда с разбором. Часто в них
Мы ошибаемся, ища в Палэ-Рояле
Вершин рукомесла. Меж тем едва ли
С тобою соглашусь. Меня проверить чтоб,
На Александровском проспекте в «Modes of Robes»
Попробуй заказать себе такое платье,
Чтоб страстные его не портили объятъя.

Август 1918

* * *

Прозрачность дней – счастливая примета:
Не светлой высоты голубизна,
Не тихий май, не зреющее лето,
Она во мне, в моей груди она.

Часы текут во власти мысли ясной,
С утра еще томит забытый сон,
Но к вечеру, как зов любви прекрасный,
Забудется и побледнеет он.

Одна в груди прозрачная тревога.
За этот дар могу перенести
Такую боль, так бесконечно много,
Что мне легко и радостно в пути.

Ноябрь 1918, Одесса

* * *

Мы вышли. Влагою дышала
Предутренняя тишина.
В лучах рассвета погасала
Изнеможенная луна.

Туман висел над берегами
И стлался низко по волнам.
И слов не стало между нами,
И спать не захотелось нам.

Ночная тяжкая усталость
Уже не заступала глаз,
Когда медлительная алость
Между волнами разлилась.

Так отлетела ночь печали,
Любви, улыбок и вина,
Когда мы Новый год встречали
И провели ее без сна.

[Январь 1919]

* * *

О, повелительница злая,
О, муза! Вновь невесел я.
Ах, не тюрьма ли голубая
Любовь печальная моя?

По вечерам, поэт покорный,
Пишу стихи, и ты со мной
Мой труд несмелый и упорный
Оберегаешь тишиной.

И льются радостные строки,
И верю я опять в мечты,
А к утру отлетаешь ты
В свой край блаженный и далекий.

И я один творю свой день
Из будних мыслей и ошибок,
Забыв урок твоих улыбок
И робких грез развеяв тень.

В тоске по улицам блуждая,
До ночи повторяю я:
Ах, не тюрьма ли голубая
Любовь печальная моя?

5 января 1919, Одесса

* * *

Не расколдован тесный круг,
Уединенье не изжито,
Для новых слов и новых мук
Еще дорога не открыта.

Всю нежность выпила мою
Любовь печальная, и боле

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Луцка

В иссякшем сердце не таю
Ни пламенной, ни легкой воли.

Нет радости. А дни бегут
Однообразной чередою.
Однообразный бег минут
Зовет к молчанью и покою.

Но знаю – будет некий день
И окрыленный, и влюбленный –
Я призову к порогу тень
Моей тоски уединенной.

4 февр. (22 янв.) 1919

* * *

Вот, наконец, зима пришла,
Кругом сугробы навалила,
Нежнее розы расцвела
Румянцем на лице у милой.

По улицам, шурша в камнях,
Промчалась буйною метелью
И в спящих родила сердцах
Охоту к хмелю и веселью.

Пять дней у нас заведено –
Катанье, песни, поцелуи,
И пенит светлое вино
Неиссякающие струи.

А завтра, если на санях
Кататься мы поедем в поле,
Ты мне шепнешь тихонько: ах...
Объятьям не противясь боле.

В неделю процветет зима,
Но всю короткую неделю
Мы пьяны, мы сошли с ума
От шалостей, любви и хмелю.

7 февраля 1919. Воскресенье

«Клементий Бутковский»

В землянке

Бунт мышей у нас на крыше,
Визг, смятение и возня.
Отчего бунтуют мыши,
Разве плохо у меня?

Голодна? – Отведай свечки,
Сыра, хлеба, ветчины.
Холодна? – У нас на печке
Можно греться до весны.

Только знаю: мышью братью
Ласкою не убедить.
Уж не лучше ль под кроватью
На ночь кошку посадить?

24 сентября 1916

* * *

Скрипят намыленные щеки,
Четыре носа вверх глядят,
И парикмахер быстроокий
Струит свой дирижерский взгляд.

Какое совершенство линий
В движеньях бреющей руки!

И бритвы реют, как смычки,
Лаская подбородок синий.

24 марта 1917, Ратешул-Луй-Харет

* * *

Горько пахнет в палатке полынь,
Но ее не пугаются блохи.
Скачут весело между простынь –
Что им брань и сердитые вздохи!
Терпеливо блоху стерегу
А поймаю – не будет ей спуска.
Две недели ногтей не стригу –
Все для блох берегу на закуску.

5 июля [1917]

* * *

Когда от скуки убегаешь
В театр, в концерт или на бал,
Я вижу, милый, ты скучаешь,
Разочарован и устал.
Но если ты забыться хочешь
От вечной скуки на войне –
Напрасно, милый мой, хлопочешь.
Твои мечты – мечты одне.
И на войне, ей-богу, скука,
Скучна походная наука,
Артиллерийская – суха,
В штабах – бумага, чепуха.
Кавалерийские победы
Теперь неведомы бойцам.
А все гусарские обеды
Скучны – ты это знаешь сам.
Итак, скучай ты лучше дома,

Где теплый у тебя клозет,
Где ты с бутылкою боржома –
Разочарованный поэт.

25 сентября. Саскут [1917]

* * *

Да, я мертвец, и важные приметы
Тому имеются. Любовью дни
И лаской не согреты,
И всех надежд погашены огни.

И труд бесплоден. И печаль без боли,
И солнце без улыбки. И тоска
Привычкой стала. И в унылой роли
Испепеленного – мне жизнь легка.

Но есть в душе еще одна струна,
Которая звенит не умирая.
Она хранит меня. И мне она
Быть может, отворит ворота рая.

Она звенит, уже едва-едва,
Когда гляжу на слезы тех, кто любит.
Когда я слышу горькие слова,
Что счастьем нас дарит любовь и губит!..

[декабрь 1918]

* * *

Ты мне сказала: избегай
Любви печальной и тяжелой.
Свои труды оберегай
Заботой легкой и веселой.

И я улыбкою прикрыл
Печаль любви неутоленной
Глубоко в сердце затаил
Жестокий жар и бред влюбленный.

Я повторяю: жизнь ясна
Пряма дорога, труд спокоен,
И силы мне любовь дала.
Я большей муки недостоин.

25 января н. с. 1919 [Одесса]

